

ИНТЕРВЬЮ М. САББАТИНИ С СЕРГЕЕМ СТРАТАНОВСКИМ
(Санкт-Петербург 10 марта 2003)

Был ли такой момент, когда поэты осознали себя как некое цельное движение, независимое от официальной культуры?

Точно сказать, когда появилась “неофициальная культура”, нельзя. Она существовала уже в 50-х гг. Правда, в 70-е гг. мы стали более активными. Начали следить за другими группами, особенно за группами неофициальных художников и скульпторов, которые в Доме культуры им. Газа в конце 1974 г. устроили выставку. Это было после знаменитой “бульдозерной” выставки в Москве. И после этого случая мы задумали создать антологию неофициальных поэтов “Лепта”. Издательство “Советский писатель” отвергло наше предложение. Несмотря на положительную рецензию Майи Борисовой, против нас выступил П. Выходцев, профессор русской советской литературы, преподававший на филологическом факультете университета. Он написал отрицательную рецензию, и нам не удалось опубликовать антологию. В нее были включены и мои стихи.

Кого Вы считаете своим учителем? Кто в юности повлиял на Вас?

Считаю своим учителем Глеба Семенова, и еще по университету – Дмитрия Максимова. В 60-е гг. я оказался в его семинаре по Блоку. В то время на филфаке еще преподавал Владимир Пропп, и я посещал его семинар по фольклору. Глеб Семенов руководил Лито при “Союзе писателей”. Однако это литературное объединение просуществовало недолго. В начале 70-х гг. Г. Семенов был вынужден закрыть Лито. Наверное, под давлением КГБ.

Вы участвовали в 70-е гг. в семинаре Горичевой и Кривулина?

Да, я там бывал. В квартире 37, на Курляндской 20. В моей квартире, тоже в начале 70-х годов, устраивали философский семинар, но там круг участников был маленьким.

Обычно, когда пытаются определить главные течения в ленинградской неофициальной поэзии, приходят к выводу, что обэриуты значительно повлияли на ее развитие. Вы согласны с этой точкой зрения?

Конечно, в 60-е годы поэты Малой Садовой, т. е. “группа Эрля”, были тесно связаны с обэриутами, и, вообще, развитие этой группы испытывало большое влияние авангарда. Среди обэриутов единственный поэт, влияющий на мою поэтику по стилистике и мотивам, это Николай Заболоцкий. Гораздо сложнее найти у меня и у Елены Шварц прямые связи с другими обэриутами.

Являются ли религиозные и библейские мотивы первостепенными для поэзии 70-х гг.?

Библия и библейская тематика – это, конечно, очень интересный мотив в контексте нашей поэзии последних тридцати лет. Есть несколько статей по этой теме. Очень своеобразное мнение, например, у Евгения Пазухина... Я тоже писал статьи о современной религиозной поэзии, они опубликованы в журнале “Волга”.

Однако в Ваших стихах встречаются библейские мотивы.

Да, есть целый ряд стихов об этом, стихов, в которых Библия читается глазами советского человека. Но для меня в Новом Завете, и особенно в Ветхом Завете, важно это столкновение человека с вопросами бытия и его судьбы.

И отношения между Богом и поэтом?

Об этом можно трактат писать. Отношения есть, конечно, но впечатление такое, что понятие небесного Бога далеко от человека. А мне в первую очередь важен человек. Судьба человека.

Несколько слов о стилистике, как она связана с мотивами Ваших стихов?

У меня есть, например, такой прием, когда мифологемы оказываются направлены в социальную сторону. Я считаю, социальная тема началась, когда я стал писать стихи в 1968. Значит, с самого начала моей литературной жизни. Например, есть такое стихотворение “Трактат об алкоголизме”. Исторические мотивы тоже имеют социальный и психологический пласт.

Как, например, в стихах “Суворов”?

Да, и еще в стихах “Геростраты Геростратовичи”, где происходит русификация отчества греческого героя Герострата. С ним связан мемориальный миф, история, он сжег храм. Еще у Сартра есть рассказ, где у главного героя есть комплекс неполноценности. Это комплекс Герострата. Я помню, прочел рассказ Сартра, и он произвел на меня впечатление. Я написал эти стихи, где есть совмещение античности и современности, есть непосредственно ленинградские реалии. В советское время людей, работавших в научных институтах, раз в 3 месяца посылали туда, где был кризис в организации работы. Обычно на овощебазы и в колхозы. Эта система просуществовала до 1986 г. Сбор овощей не был тяжелой работой и давал нам возможность уйти в отпуск пораньше. Это типичная советская реалья... сейчас не понять. Это социалистический прием.

В слове Герострат можно увидеть корни Вашей фамилии...

Я об этом, честно, сразу не подумал, но Вы правы, это действительно так.

“Суворов” – это одно из главных для Вас стихотворений?

Да, Суворов стал мотивом официальной литературы во время Отечественной войны, когда возникла потребность в патриотической литературе.

Правильно заметил критик Елисеев, что Ваши Суворов – это слабый человек?

В моих стихах – да. Интересно, что написал Елисеев по этому поводу. Суворов это любопытный материал для психоаналитика: у него были странные отношения с женой, связанные с сексуальной сферой. Поэтому он находка для фрейдиста.

Это стихотворение имеет отношение к событиям в Праге?

Не прямое отношение, но в 1968 году танки вошли в Прагу, и поэтому стихотворение отсылает и к этому событию. События в Праге 1968 г. произвели на меня большое впечатление. В стихах я говорю о другой Праге, около Варшавы. Тема этого стихотворения – это имперская политика. Осмыслить такой феномен завоевания, подавления мятежей. В 1985 г. его не опубликовали в “Круге”, и не опубликовали потому, что оно было совершенно неприемлемо для цензуры. Но я читал эти стихи в

70-е годы устно. Я читал в дружеских компаниях, в литературных кружках и в Лито Виктора Сосноры. В Москве тоже это стихотворение было широко известно в разных кругах.

Вы часто используете сложные слова, это для Вас особый языковой прием?

Употребление сложных слов, как, например, “человеколошадь”, для меня соединяет несоединимое. Эти слова имеют большой семантический потенциал. Советский язык активно использовал этот прием и еще прием сокращения слов (например, жилплощадь – жилая площадь, комдив – командир дивизии, колхоз и т. д.). До революции было гораздо меньше таких слов. Это стало признаком бюрократического языка. Да, эти слова, соединяя несоединимое, являются моментом сюрреализма для меня, значат живое и неживое в одном слове.

Можно сказать, что в Ваших стихах город – особое поэтическое пространство, где миф Петербурга продолжается в мифе “Ленинграда”?

Да, конечно, особое поэтическое пространство, как в ранних стихах, так и в стихах 90-х годов. Только город этот не тот, который видят иностранные туристы, а окраины и промышленные районы. Овощебаза из стихотворения “Геростраты” действительно существует и расположена на окраине Петербурга рядом с Черной речкой и местом дуэли Пушкина. В этом стихотворении пушкинский миф о Медном всаднике и “бедном Евгении” проецируется на реальность 70-х годов XX века. Многие мои тексты связаны с местом, неподалеку от которого я живу. Этот отрезок Обводного канала от Балтийского вокзала до Петергофского проспекта (в недалеком прошлом проспекта имени Газа. Этот Газа был какой-то большевик, участник Гражданской войны). Вдоль этой части Обводного тянется мрачное, похожее на крепость, здание завода “Красный треугольник”! Район этот, по обеим берегам канала, был для меня всегда концентрацией ущерба, заброшенности, богооставленности. С ним связаны такие мои стихи как “Социологический трактат о феномене алкоголизма”, “А там Главрыбы и Глав хлеба”, “Были клубы на задворках...”, “Безлиций Газовый...”. В последнем из этих стихов изображено некое мифическое существо, похожее на солугубовскую Недотыкомку и живущее в “террариуме коммуникаций”. Слово Газовый связывает его с одной стороны с газом, а с другой с проспектом Газа. Так что можно сказать, что я попытался создать еще один петербургский миф.

Вы считаете было прямое влияние экзистенциализма на культурный дискурс в Ленинграде? Отношение между неофициальной поэзией и философией экзистенциализма существовало больше на уровне бытия или на уровне интеллектуальных поисков?

Да, было. Знали мы, конечно, об экзистенциализме мало, переводов не было, приходилось читать всякие советские книжки об этом, но интерес был большой. Сама жизнь заставляла задуматься над экзистенциальными проблемами и было желание выразить их как на языке поэтическом, так и на языке философии. Были и прямые переключки. Так мое стихотворение “Геростраты” отчасти навеяно рассказом Сартра “Герострат”. Где-то в начале 70-х я перевел с французского главу “Кириллов” из “Мифа о Сизифе” Камю. Я не знал тогда, что эта книга уже была переведена полностью ленинградским прозаиком Ридом Грачевым и распространялась в самиздате. Когда образовался Религиозно-философский семинар Горичевой и Кривулина, знакомство с экзистенциализмом перешло на другой уровень. Татьяна Михайловна Горичева читала на семинаре лекции о Хайдеггере, Ясперсе, о диалектической теологии, много переводила и эти переводы публиковались в журналах “37” и “Часы”. Мне трудно сказать насколько экзистенциализм влиял на других поэтов, У Шварц, к примеру, это влияние незаметно. Испытал ли его Кривулин? Трудно сказать. Определенно “да” могу сказать только о себе.

